

«Землянка». Виктор Платонович Некрасов nekrasovvictor.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nekrasovvictor.ru/> Приятного чтения!

«Землянка». Виктор Платонович Некрасов

Все начинается в зоопарке. Совершенно случайно маленький ребенок попадает в клетку к белым медведям. Паника. Все растеряны. У решетки девушка и молодой человек с фотоаппаратом. Тоже не знают, что делать. Внезапно в клетку, вернее в огороженный решеткой ров, где живут медведи, прыгает человек. Он спасает ребенка. Все ликуют. В поднявшейся – суматохе спаситель, – вид у него совсем не героический, очки и вообще – вахлак вахлаком, – хочет улизнуть на велосипеде. Но его замечает девушка, та самая, что была с молодым человеком. Слово за слово, и они оказываются у девушки дома. Парень дико застенчив. Выпив чего-то спиртного, становится смелее. Но тут в комнату вваливается веселая компания молодежи – «Где спаситель? Мы хотим на него посмотреть. Он здесь, мы знаем». Но спаситель уже скис. «Расскажите о своем героическом поступке», – просят его, а он не может, не знает, что рассказывать, его развезло. А молодежи весело. Затевают игру, что-то вроде жмурок. Спасителю завязывают глаза, он неуклюже тычется среди веселой, хохочущей молодежи и вдруг остановился. Поднял руки вверх. Застыл. Пауза. Все насторожились. И спаситель вдруг начинает говорить...

Вот так же были завязаны глаза и такой же вокруг был шум, крик. И его толкают автоматом в спину. И так же он останавливается у стенки с поднятыми руками... Это было давно. В Варшаве. В 1944 году... Он говорит, говорит, но его уже не слушают. Господи, опять о войне? Сколько можно рассказывать о войне! Молодежь хочет веселиться... Хватит воспоминаний.

Кончается все очень грустно. К девушке возвращается ее друг с фотоаппаратом, тот самый, что растерялся у клетки с медведями, а парень в очках уезжает на своем велосипеде. Через какие-то пустыри, заснеженные огороды, остатки развалин... Конец... В зале вспыхивает свет.

Тискаюсь в проходах в фойе, на лестнице Дома кино, у гардероба, долго еще спорят об этой маленькой киноновелле Анджея Вайды, последней из пяти, входящих в фильм «Любовь двадцатилетних». О первых четырех говорят: нравятся или не нравятся, – об этой же спорят.

Больше всех горячится Генка, мой друг.

– Неправда! Выдумка! Чистейшей воды выдумка. Нарочито от начала до конца. Неправда. Никогда не соглашусь.

Генке 25 лет. В картине он видит только выпад по адресу своего поколения. Оно не такое. Он не знает, как там, в Польше, но у нас оно не такое. Да, они не принимали участия в войне, но для них все связанное с нею так же свято, как и для нас. Анджей Вайда, конечно, очень талантливый режиссер, может быть, один из самых талантливых сейчас, но картина явно тенденциозная, чтоб не сказать клеветническая.

Мне почему-то не хочется спорить. Генка убеждает куда-нибудь пойти, но и идти никуда не хочется. Я спускаюсь в гардероб, стараясь, чтоб никто из знакомых не попался мне навстречу, одеваюсь и медленно бреду по Васильевской в сторону улицы Горького.

Передо мной лицо Цибульского, актера, игравшего спасителя в очках. Напряженное, растерянное, застывшее. И с трудом выдавливаемые слова. И взгляд куда-то внутрь, в прошлое. А кругом веселые ребята – им хочется петь, танцевать, валять дурака, им по 20 лет, им весело...

Моросит дождик. В какой-то хронике военных лет я видел, как по этой самой улице Горького, по которой я сейчас иду, цепляясь за тросы, «вели» раздувшийся аэростат противовоздушной защиты. Сейчас машины, такси, троллейбусы. Горят рекламы на домах...

Неужели действительно надоело, забылось то время? Неужели Вайда прав?

Генка говорит – нет! Он возмущен. Но Генке не двадцать, ему двадцать пять, а может быть, и все двадцать семь. Семь лет большая разница. К концу войны ему

«Землянка». Виктор Платонович Некрасов nekrasovvictor.ru было десять лет, а двадцатилетним – три... Генка смутно, но помнит еще бомбежки, немецких пленных, играл в развалинах, подбирал патроны, гранаты – для него война это тоже кусочек жизни. Для двадцатилетних – только рассказы взрослых, прочитанное в книгах, увиденное в кино.

И все же...

Для чего же мы тогда пишем книги, ставим кинофильмы, только для себя? Или, может, в книгах и фильмах молодежь интересуется только героическое? А тяжелое, страшное она отвергает? А может, вообще двадцати годам свойственно больше думать о будущем, чем о прошлом? Для меня, моего поколения война была самым важным в жизни, для них самое важное – дай бог не война! – еще впереди... О чем думал я, когда мне было двадцать лет? Начало тридцатых годов, не самые легкие годы – коллективизация, голод, первые карточки, пайки. А я мечтал стать великим архитектором, советским Корбюзье. Все впереди...

И все же Генка прав! Я хочу, чтоб он был прав. Вайда слишком сгустил, обострил, уплотнил. Он дьявольски талантлив, он может убедить. А я сопротивляюсь, я не хочу этому верить. Я понимаю, что...

– Алло! Стой! Тормози!

Такси. Со скрежетом останавливается возле меня. Из раскрытой дверцы знакомые голоса.

– Куда? И вид почему грустный? Давайте с нами. Места хватит. Подвигайся, ребята...

Таксист слегка сопротивляется, но его уламывают – «расходы берем на себя». Сажусь на чьи-то колени.

– Только что кончилась премьера. Как говорится, прошла с успехом. Хотели поехать в ВТО, да там народу слишком много. Да и вообще в ресторан не хочется. Решили ехать к Мише. И вот идет какая-то понурая фигура. Ну как не посочувствовать?

Все веселы, оживленны. И мне становится веселее. Я не огорчен, что меня подобрали.

Бывают такие вечера – увы, теперь уже не часто, – когда действительно все весело. Весело ловить такси, спускаться по эскалатору, вскакивать на ходу в битком набитый троллейбус, подсчитывать в «Гастрономе» деньги, выбивать чеки, получать у хорошенькой (ей-богу же, хорошенькой) продавщицы колбасу, сыр, ну и еще там кое-чего... Все как-то ладно и хорошо.

Такой вечер и сегодня. Таксист, не молодой, приветливый, охотно ждет у магазинов, не ворчит. У Елисеева обнаруживается таллинская килька и польская «Выборова». Милиционер, когда мы проехали под «кирпичом», только погрозил пальцем. Улица Горького уже не кажется мне самодовольной и – все забывшей. И дождь ей даже к лицу – все отражается, блестит, делает ее еще более городской, современной. А главное, Мишина жена нисколько не огорчена нашим поздним приходом. Мило, приветливо улыбается.

Ах, как быстро и весело накрывается стол. Это сюда, это туда. Ты – бутылки, ты – консервы. Картошку? Можно и картошку, если не долго. Нарзан в холодильнике – тащи его... Даже селедка начищенная есть – ура! Да здравствует семейная жизнь!

До чего же все-таки хороши такие случайные встречи. Без всяких приглашений, уславливания, подготовок. Не томишься в соседней комнате, пока хозяева накроют на стол. Не ждешь кого-то опоздавшего. Не слоняешься вдоль стен, разглядывая картины и фотографии, не листаешь книг, не ведешь серьезного разговора с пожилыми родителями о повышенном давлении, неустойчивой погоде, чьем-то инфаркте...

Все кажется удивительно вкусным. И колбаса, и сыр, и хлеб такой свежий. И водка почему-то не берет – все веселы, но не больше. Иногда только хозяин скажет – «Тише, там же спят», – и все в течение полутора минут говорят шепотом, а потом опять...

Нас шестеро. Кроме меня, все актеры. Молодые актеры. К тому же талантливые. И

«Землянка». Виктор Платонович Некрасов nekrasovvictor.ru умные. Нет, не потому, что мне вдруг стало все нравиться, а потому, что действительно молодые, талантливые, умные. И ничего из себя не корчат, не разглагольствуют. Троицким из пяти я гожусь в отцы, но сейчас я чувствую себя их ровесником. Мне кажется, что я тоже вместе с ними только что отыграл премьеру и что совсем недавно, а не двадцать пять лет назад я окончил театральную студию, и меня также интересует и волнует пьеса, которую они только что поставили, а их – судьба небольшой моей повести, которая недавно вышла в свет. Все у нас общее – интересы, стремления, надежды, взгляды на то, на это. Да, как жаль, что я не умею писать пьесы, а то сидел бы с ними на репетициях, спорил бы, доказывал, сомневался. Пусть даже ссорился, а потом мирился бы и с трепетом сидел бы рядом на «генералке», кусал ногти.

Стол пустеет. Со стены снимается гитара. Один из гостей, постарше, мастер петь песенки. Он знает их много – фронтовые, блатные, конечно, Окуджаву. Голоса у него нет, но поет хорошо. Мы подтягиваем.

Светает. Но домой не хочется. Спать? Кому хочется сейчас спать?

Троицким из пятерых я гожусь в отцы... Чепуха! Мне тоже двадцать пять лет! Не больше. Я тоже пою, острою, валяю дурака. И никто надо, мной не смеется. Я свой среди своих. Мы все равны. Нас ничто не разделяет...

Гитарист запел вдруг «Землянку». От нее мне всегда становится как-то не по себе, начинает что-то шевелиться, вспоминаться, становится грустно.

– А вы знаете, Николай ведь тоже в Сталинграде воевал.

– В Сталинграде? Вот это да... Где? У кого? В 92-й бригаде? Батюшки, соседи. Даже более, чем соседи, – в декабре нас передвинули правее, и 92-я заняла наши позиции на Мамаевом... Забавно. Может, Николай в моей землянке даже жил... Ничего не поделаешь, придется выпить.

Из бутылок сцеживаются последние остатки. Чокаемся. За 92-ю, за нашу 289-ю... Пошли! Да, были денечки...

Я ставлю рюмку на стол и...

Почему в комнате такая тишина? Почему все вдруг умолкли? Сидят и очень вежливо смотрят на нас с Николаем. Молчат.

– Может, рассказали бы нам что-нибудь о Сталинграде? – прерывает кто-то молчание. И в этом вопросе, в этой – просьбе столько внимания, столько предупредительности.

– Seriously, расскажите чего-нибудь...

Я смотрю на Николая. Он откладывает гитару.

– Что ж. Ладно. Можно и рассказать.

Он вынимает папиросу, медленно раскручивает ее, и, закурив, начинает со слов: «Было это, как сейчас помню, в ноябре сорок второго года».

Он говорит, а я смотрю на лица. На них внимание, одно внимание, сплошное внимание. Как будто никто ни грамма не выпил.

Николай безжалостен... Немцы на них наседали, а патроны кончались, и пулемет заело, и один за другим все гибнут вокруг него, остался один только связной. И вот он говорит ему, обливаясь кровью:

– Миша, друг, пока не поздно... Вся надежда на тебя... Пока немцы подтягиваются, сбегай-ка на кухню, там в холодильнике, я видел, недопитая поллитровка стоит... Не жмись, тащи-ка ее сюда...

Николай не ошибся. В холодильнике действительно кое-что нашлось – для компресса ребенку, как было сказано, – и опять все становится на свое место, опять весело, шумно, опять блатные песенки, опять шутки, остроты, анекдоты. И мне тоже весело. Очень даже...

«Землянка». Виктор Платонович Некрасов nekrasovvictor.ru

Расстаемся поздно. Вернее, рано, часов около пяти, на улице совсем уже светло. Расстаемся друзьями. Двое из троих, которым я гожусь в отцы, едут со мной в такси. Славные, хорошие ребята. Если сложить их возраст, получится как раз мой.

У Маяковской мы прощаемся. Ребята чуть-чуть смущены. А может, это мне только кажется. Нет, я ни на кого не в обиде, просто мне немножко жаль, что Николай запел «Землянку»...

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://nekrasovvictor.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!